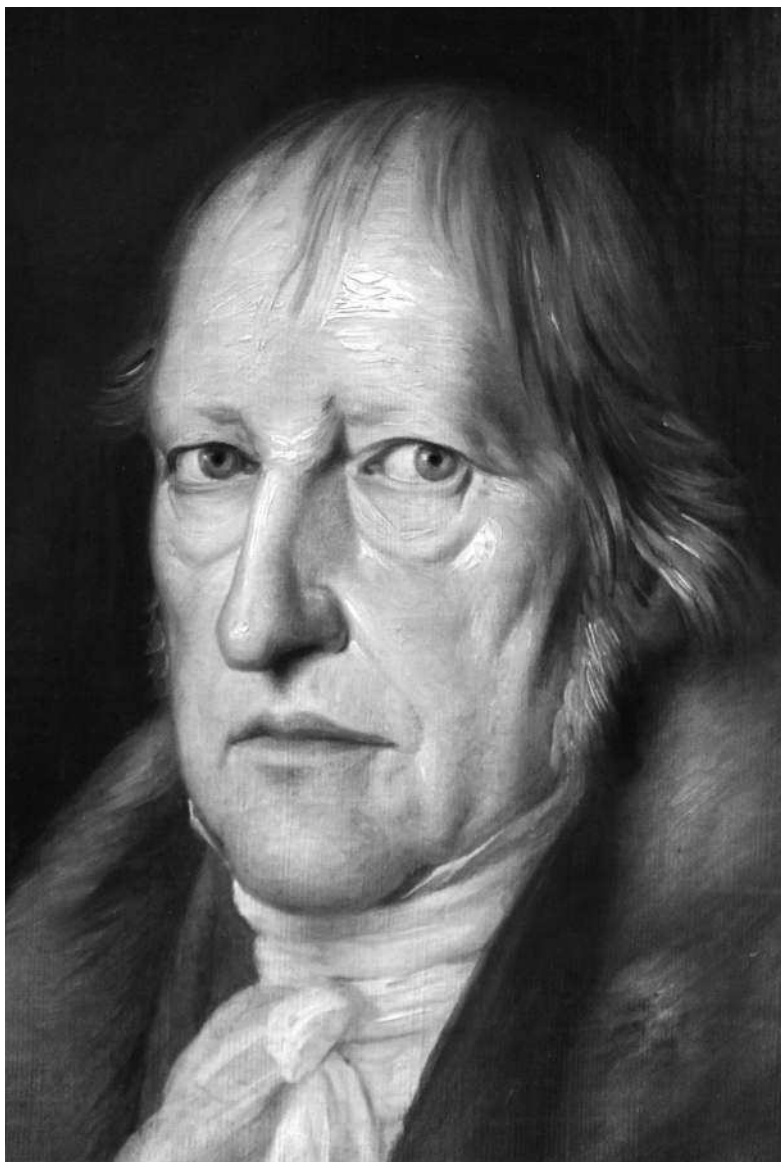

Георг Вильгельм Фридрих Гегель
1770–1831

Вопросы, на которые дает ответ эта книга

ВОЗМОЖНО ЛИ МНЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ?

Когда человек говорит о философских мнениях, то мы сразу убеждаемся, что он не обладает даже элементарной философской культурой, хотя бы он и был сам историком философии. Философия есть объективная наука об истине, наука о ее необходимости, познание посредством понятий, а не мнение и не ткань паутины мнений. *Стр. 24*

В ЧЕМ СОСТОИТ ЗАДАЧА ФИЛОСОФИИ?

...Задача философии заключается в том, чтобы вопреки рассудку показать, что истинное, идея, не состоит в пустых общностях, а в некоем всеобщем, которое само в себе есть особенное, определенное. Если истина — абстрактна, то она — не истина. *Стр. 38*

КАК В ИСКУССТВЕ СООТНОСЯТСЯ «ДУХ» И «МАТЕРИАЛ»?

Искусство же и его произведения, возникнув из духа и будучи созданы им, сами носят духовный характер, хотя художественное изображение и вбирает в себя чувственную видимость, одухотворяя чувственный материал. *Стр. 162*

КАКОВ НАИХУДШИЙ ВАРИАНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ?

Самым дурным, менее всего подходящим для духа отношением между ним и художественным произведением является чисто чувственное восприятие этого произведения. Оно состоит в том, что мы только смотрим художественное произведение, слушаем, ощупываем его и т. д. *Стр. 195*

ЧТО ЕСТЬ ИДЕАЛ?

...Идея как действительность, получившая соответствующую своему понятию форму, есть идеал. *Стр. 246*

В ЧЕМ ПОЛЬЗА ЛОГИКИ?

Логика приносит пользу занимающимся ею, поскольку она в известной степени развивает ум, помогает ему, таким образом, достигнуть других целей. Развитие ума посредством изучения логики заключается в том, что он приобретает привычку к мышлению. *Стр. 273*

ПОЧЕМУ НАС ВЛЕЧЕТ К СЕБЕ ПРИРОДА?

Природа стоит перед нами как некая загадка и проблема, и мы столь же чувствуем потребность разрешить загадку природы, сколь и отталкиваемся от этого. Природа влечет нас к себе, ибо дух чувствует свое присутствие в ней; она нас отталкивает как нечто чуждое, в котором наш дух не находит себя. *Стр. 415*

КАК СВЯЗАНЫ ФИЗИКА И ФИЛОСОФИЯ?

Философия не только должна согласоваться с опытным познанием природы, но и само возникновение и развитие философской науки имеет своей предпосылкой и условием эмпирическую физику. *Стр. 420*

КАКОВА СУЩНОСТЬ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ?

Солнечная система представляет собою ближайшим образом множество самостоятельных тел, существенно соотносящихся друг с другом, обладающих тяжестью, но сохраняющих себя в самом этом соотношении и полагающих свое единство в ином, лежащем вне их. *Стр. 519*

«Противоречие ведет вперед» (Георг Гегель)

Ни одна философская система не возникает на пустом месте: философия всегда является отражением происходящих в мире политических и социальных процессов. Впрочем, верно и обратное: философы-мыслители, стремясь объяснить и обосновать суть явлений, выступали в роли пророков, предвидящих грядущее...

На субстрате каких идей развивалась философская система Георга Гегеля (1770–1831), о котором знаменитый российский мыслитель и богослов Владимир Соловьев сказал: «У Гегеля... само сущее старается стать философией, превратиться в чистое мышление»?

Научная революция XVII столетия вызвала к жизни эпоху Просвещения с ее рационализмом, свободомыслием, преклонением перед разумом. Ближе к концу века восемнадцатого начинается Великая французская революция, многих заставившая задуматься о способах управления государством и возможности добиваться всеобщего счастья кровавыми методами. А потом — переворот Наполеона, бесконечные войны...

Не правда ли, весьма благоприятная (если тут уместно это слово) ситуация для рождения новых философских теорий и рассуждений о правах человека, о возможностях человеческого разума, о соотношении духовного и материального начал? Именно таковы были главные вопросы философии классического немецкого идеализма, символом которого является Георг Гегель.

Главная тема его идеалистической философии — теория об абсолютном духе. Основой нашего бытия, по мнению мыслителя, является «мировая душа», или «абсолютный дух».

Что это такое? Мышление и бытие, утверждает Гегель, суть одно и то же. Как таковой разницы между субъектом и объектом философии не существует! Да, подобное сложно понять. Но согласитесь: тому, кто убоился трудностей на пути, неведома радость познания!

Гегеля привлекали вопросы веры и эстетики, познания и религии. Много внимания он уделял и истории философии. А собственно философия для Георга Гегеля — практически живой организм, подчиняющийся идее абсолютного духа.

Мы предлагаем читателю начать знакомство с системой великого философа с избранных глав из его наиболее известных произведений. Это «Введение в историю философии», «Лекции по эстетике», а также входившие в «Энциклопедию философских наук» работы «Наука логики» и «Философия природы» (последняя представлена разделом «Механика»).

Да, книги Георга Гегеля сложны для восприятия, но те, кто нашел время и силы начать знакомство с его идеями, утверждают: в этих трудах содержится экстракт мировой мудрости за много столетий! Ведь немецкий мыслитель представлял на суд потомков не только свои личные выводы, он глубоко изучал философию античности и Древнего Востока, Средневековья и Возрождения, рассуждал об искусстве и красоте, о религии и закономерностях исторического процесса... И, конечно, об «абсолютном духе».

Работы Гегеля двести лет назад вызывали как восторг и восхищение, так и крайнюю степень неприятия. Но ведь философия обсуждает «вечные вопросы»! А значит, что и в наши дни, в начале XXI века, темы, поднятые гением немецкого идеализма, будут не менее интересны.

**ВВЕДЕНИЕ
В ИСТОРИЮ
ФИЛОСОФИИ**

Введение в историю философии

Можно находить интерес в истории философии с разных точек зрения. Если мы желаем найти сердцевину этого интереса, мы должны ее искать в существенной связи, существующей между тем, что кажется отошедшим в прошлое, и той ступенью, которой философия достигла в настоящее время. Что сама эта связь не есть лишь одно из внешних соображений, которые могут быть приняты во внимание при изложении истории этой науки, а скорее выражает ее внутреннюю природу; что, хотя события этой истории, подобно всем другим событиям, находят свое продолжение в своих результатах, они вместе с тем обладают своеобразной творческой силой, — именно вот это мы намерены здесь точнее разъяснить.

История философии показывает нам ряд благородных умов, галерею героев мыслящего разума, которые силой этого разума проникли в сущность вещей, в сущность природы и духа, в сущность бога, и добыли для нас величайшее сокровище, сокровище разумного познания. События и деяния, составляющие предмет этой истории, поэтому суть такого рода, что в их содержание и состав входят не столько личность и индивидуальный характер этих героев, сколько то, что они создали, и их создания тем превосходнее, чем меньше эти создания можно вменить в вину или заслугу отдельному индивидууму, чем больше они, напротив, представляют собою составную часть области свободной мысли, всеобщего характера человека как человека, чем в большей степени сама эта лишенная своеобразия мысль и есть творческий субъект. Она в этом отношении противоположна политической

истории, в которой индивидуум является субъектом деяний и событий со стороны особенности своего характера, гения, своих страстей, силы или слабости своего характера и вообще со стороны того, благодаря чему он является именно *данным* индивидуумом.

На первый взгляд кажется, что эти акты мышления принадлежат истории, отошли в область прошлого и лежат по ту сторону нашей действительности. Но на самом деле то, что мы есть, являет собою вместе с тем нечто *историческое*, или, выражаясь точнее, подобно тому, как в том, что лежит в этой области, в истории мысли, прошлое представляет собою лишь одну сторону, так и в том, что мы представляем собою, общее, непреходящее неразрывно связано с тем, что мы *представляем* собою как принадлежащие *истории*. Обладание самосознательной разумностью, присущее нам, современному миру, не возникло сразу и не выросло лишь на почве современности, а его существенной чертой является то, что оно есть наследие и, говоря точнее, результат работы всех предшествовавших поколений человеческого рода. Подобно тому, как искусства, служащие устройству внешней жизни, масса средств и сноровок, учреждения и привычки общежития и политической жизни суть результат размышления, изобретательности, нужды и бедствий, находчивости и остроумия, стремления и свершения предшествовавшей нашей современности истории, точно так же и то, что мы представляем собою в науке и, ближе, в философии, тоже обязано своим существованием традиции, которая через все, что преходяще и что поэтому минуло, тянется, по сравнению Гердера¹, словно священная цепь, и она сохранила и передала нам все, что произвели предшествовавшие поколения.

¹ «Zur Phil. Und Gerch.», V. S. 184–186 (изд. 1828 г.)

Но эта традиция не есть лишь домоправительница, которая верно оберегает полученное ею и, таким образом, сохраняет его для потомков и передает им его не умаленным, подобно тому, как течение природы, в вечном изменении и движении ее образов и форм, остается навсегда верным своим первоначальным законам и совсем не прогрессирует. Нет, традиция не есть неподвижная статуя: она — живая и растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше он отходит от своего истока. Содержанием этой традиции является то, что создал духовный мир, а всеобщий дух никогда не останавливается в своем движении. Здесь же нас существенно интересует именно всеобщий дух.

С отдельным народом может, правда, случиться, что его образованность, искусство, наука, вообще его духовное достояние приходят в состояние застоя, как это, напр., произошло, по-видимому, с китайцами, которые две тысячи лет тому назад во всем, может быть, находились в том же состоянии, в котором они находятся ныне. Но мировой дух не впадает в равнодушное спокойствие; это его свойство имеет своим основанием простое понятие духа, согласно которому его жизнью является его деяние. Это деяние имеет своей предпосылкой наличие известного материала, на который оно направлено и который оно не только умножает, не только расширяет, прибавляя к нему новый материал, но и существенно обрабатывает, преобразует. Созданное каждым поколением в области науки и духовной деятельности есть наследие, рост которого является результатом сбережений всех предшествовавших поколений, святилище, в котором все человеческие поколения благодарно и радостно поместили все то, что им помогло пройти жизненный путь, что они обрели в глубинах природы и духа. Это наследование есть одновременно и получение наследства, и вступление

во владение этим наследством. Оно является душой каждого последующего поколения, его духовной субстанцией, ставшей чем-то привычным, его принципами, предрассудками и богатствами; и вместе с тем это полученное наследство низводится получившим его поколением на степень подлежащего материала, видоизменяемого духом. Полученное, таким образом, изменяется, и обработанный материал именно потому, что он подвергается обработке, обогащается и вместе с тем сохраняется.

Такова также позиция и деятельность нашей и всякой другой эпохи: мы постигаем уже существующую науку, усваиваем ее, приспособляемся к ней, и тем самым мы ее развиваем дальше и поднимаем ее на более высокий уровень; усваивая ее себе, мы делаем из нее нечто свое в противоположность тому, чем она была раньше. От этой природы творчества, заключающейся в том, что оно имеет своей предпосылкой наличный духовный мир и что, усваивая его себе, оно вместе с тем и преобразовывает его, — от этой природы творчества и зависит то, что наша философия может обрести существование лишь в связи с предшествующей и с необходимостью из нее вытекает; ход истории показывает нам не становление чуждых нам вещей, а *наше* становление, становление *нашей* науки.

Природа указанного здесь отношения обуславливает характер представлений и вопросов, могущих у нас возникнуть относительно задачи истории философии. Понимание этого отношения выясняет нам вместе с тем субъективную цель изучения истории философии. Эта субъективная цель состоит в том, чтобы путем изучения истории этой науки быть введенным в самое эту науку. В вышеуказанном отношении между историей философии и самой философией заключается также указание на те принципы, которыми мы должны руководствоваться при трактовке этой истории,

и более точное уяснение этого отношения должно быть поэтому одной из главных целей нашего введения. При этом мы, разумеется, должны также принять во внимание понятие той цели, которую ставит себе философия, и даже можно сказать, что это понятие должно лечь в основу пояснения. И ввиду того, что, как мы уже упомянули, научный разбор этого понятия не может иметь здесь места, то разъяснения, которые мы должны здесь дать, могут лишь иметь своей целью не доказать посредством постижения в понятии природу становления философии, а скорее дать о ней предварительное представление.

Это становление не есть лишь бездеятельное *происхождение*, подобное тому, что мы представляем себе под происхождением, напр., Солнца, Луны и т. д.; оно не есть только движение в не оказывающей противодействия пространственной и временной среде. Нет, перед нашим представлением должны проходить деяния свободной мысли, мы должны изобразить историю мира мыслей, изобразить, как он возник и как он породил себя. Старинное вкоренившееся убеждение полагает, что в мысли состоит именно отличие человека от животного; мы не отказываемся от этого убеждения. Согласно последнему, все то, что человек имеет в себе более благородного, чем животная его природа, он имеет благодаря мысли; все, что человечесно, как бы оно ни выглядело, человечесно лишь благодаря тому, что в нем действует и действовала мысль. Но хотя мысль и есть, таким образом, существенное, субстанциальное, действенное, она все же имеет дело с многообразными вещами. Однако, строго говоря, наипревосходнейшей следует почитать ту деятельность мысли, которая исследует не другое и занята не другим, а которая занята самой собою — именно самым благородным, которая искала самое себя и самое себя открыла. История, развертывающаяся перед нами, есть история нахождения мыслью самой себя, а с мыслью дело обстоит

так, что, только порождая себя, она себя находит: дело даже обстоит так, что лишь тогда, когда она себя находит, она существует и действительна. Системы философии суть эти акты порождения, и ряд этих открытий, в которых мысль ставит себе целью открыть самое себя, представляет собою работу двух с половиной тысячелетий.

Но если мысль, которая существенно есть мысль, есть вечная, суцая в себе и для себя, а все то, что истинно, содержится только в мысли, то каким образом этот интеллектуальный мир доходит до того, чтобы иметь историю? В истории изображается то, что изменчиво, что минуло и ушло в ночь прошлого, то, чего уже нет; истинная же, необходимая мысль — а лишь о такой мысли здесь идет речь — не может подвергаться изменению. Этот вопрос должен быть рассмотрен нами в первую очередь. Но, во-вторых, нам непременно должно прийти в голову, что существует еще много других важнейших продуктов творчества, которые также представляют собою произведения мысли и которые мы, однако, исключаем из нашего рассмотрения. Таковы — религия, политическая история, государственное устройство, искусства и науки. Спрашивается: чем отличаются эти произведения мысли от тех, которые составляют наш предмет? И вместе с тем спрашивается также: каково их отношение друг к другу в истории? Об этих двух вопросах следует сказать все необходимое для того, чтобы мы могли ориентироваться, в каком смысле здесь излагается история философии. Кроме того, нужно, в-третьих, иметь общий обзор, раньше чем перейти к частностям; в противном случае мы из-за частных не увидим целого, из-за деревьев — леса, из-за философских систем — философии. Дух требует, чтобы он получил общее представление о цели и назначении целого, дабы он знал, чего ему нужно ожидать; подобно тому, как мы желаем обозреть ландшафт в целом, который исчезает,